

ВИТАЛИЙ БЕЛОУСОВ

Вальс под облаками

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Виталий Белоусов

**Вальс под облаками.
Приключенческая повесть**

«Издательские решения»

Белоусов В.

Вальс под облаками. Приключенческая повесть / В. Белоусов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744444-0

«Вальс под облаками» — первая книга трилогии, повествующей о событиях, которые происходили в годы перестройки в одном из провинциальных поселков средней полосы России. На фоне этих событий автор увлекательно рассказывает о приключениях подростков, об их заботах и увлечениях во время летних каникул.

ISBN 978-5-44-744444-0

© Белоусов В.
© Издательские решения

Содержание

Неожиданная встреча	6
Злополучная телогрейка	10
Приставалы от скуки	15
Неудачный визит	18
В чужом дворе	22
Как в воду канул	25
Место не для шуток	28
Странные экскурсанты	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Вальс под облаками
Приключенческая повесть
Виталий Белоусов

© Виталий Белоусов, 2016

ISBN 978-5-4474-4444-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Неожиданная встреча

С Глебом я познакомился четыре года назад, когда мы вместе с родителями отдыхали в пансионате на берегу Черного моря. Уже тогда мы крепко-накрепко подружились.

Глебу везло. Он дважды по три недели гостил у нас дома – в большом и шумном городе. А мне не сразу посчастливилось.

– Вот освободится от дел отец, тогда и навестишь друга, – отмахивалась от меня мама. – Одного тебя не отпущу. Мало ли что в дороге может случиться. Время тревожное...

Я горько вздыхал. И летние каникулы уже давно начались. И папе по-прежнему не до отдыха – вдруг опять засобиравшись в командировку в качестве специального корреспондента газеты. По заданию редакции он ездил и в Чечню, и всякий раз мы с мамой крепко за него беспокоились. Переживали, хоть он у нас и герой – однажды с товарищами натолкнулся на бандитов в горах, не растерялся и храбро вступил в бой...

– Ты, папа, снова в «горячую точку»? – спросил я участливо. – Будь осторожнее...

– В «горячую», сынок... Да еще в какую «горячую»...

Я посмотрел на маму, и увидел, что лицо у нее светлое, со смешинками в глазах.

– Но ты же не в Чечню, – улыбнулся я.

– А ты, сынок, думаешь, что «горячие точки» только там, где стреляют?.. Нет, Сереженька... Они сейчас и там, где пока не пахнет порохом и дымом, однако расхищается народное добро, царит беззаконие... Бедой повеяло оттуда, куда я еду, – посмотрел на меня поверх очков. – Ну, а ты-то чего не собираешься в дорогу? Перехотелось к Глебу?..

Я сначала удивился и опешил, а потом завизжал от восторга и повис у отца на плечах:

– Папа, ты отвезешь меня к другу?.. Нам с тобой по пути, да?.. Вот здорово!..

– Нет, нет! – отец взъерошил мне волосы. – Поедешь самостоятельно... Не ребенок уже... Двенадцать лет в зиму исполнилось...

– Правда? – обрадовался я пуше прежнего. – Вы не шутите?.. Ведь ты, мама...

– А что я? – развела руками мама. – Я не против... Главное, слушайся родителей Глеба, не озоруй, почаще пиши письма...

Ура! Ура! Я уже не слышал наставлений... Какое там!.. Если Глеб приезжал к нам в сопровождении родителей, то я к нему в поселок – сам, без мамок и нянек, как говорится! Полная свобода!..

Знал бы я, какие немыслимые происшествия и невероятные приключения ожидают меня! А начались они сразу же, как только я вышел из вагона пассажирского поезда на небольшой станции и обнаружил, что Глеб меня не встречает... Еще дома, перед самой поездкой, мы созвонились с ним, и он обещал, что подъедет к вокзалу на мотоцикле с коляской. Не сам, разумеется, за рулем будет... С отцом...

Где же ты, дружище?.. Вот уже и скорый ушел, завернув за строения станции. Вот и перрон опустел до прибытия очередного состава. Вот и милиционер, стоявший возле клумбы, обратил на меня внимание. Думает, что я в растерянности?.. Ну, еще!.. Поправив на плече ремень тяжелой сумки, в которую мама, наверняка, напихала кучу ненужных мне вещей, я направился к автобусной остановке. Не встретил Глеб – и ладно! Значит, что-то ему помешало. Сам доберусь. Ерунда.

От газетного киоска метнулась тень, и кто-то, хихикнув, неожиданно прилип ко мне со спины и прикрыл мне глаза своими ладонями. Глеб? Встретил все-таки! Вот здорово!.. Хотя... Больно уж хрупкие эти ладони... Да и смех... Девочка? Вот дуреха, обозналась. А радуется-то...

Я отжал ладошки и повернулся, надеясь увидеть растерянное лицо незнакомки и услышать ее робкое «извините»... И... обалдел. Передо мной стояла Маша Чанова! Откуда здесь

взялась? Что здесь делает? Я открыл рот от удивления, а закрыть его так и забыл... Наваждение какое-то...

– Се-ре-га-а... – Маша разглядывала меня как диковинку. – Я так рада, так рада! – сияла она, потирая ладоши и обворожительно улыбаясь. – А ты? Ты – рад? Мы же три года не виделись... Что уставился? Не ожидал? Да очнись ты! – она схватила меня за руку. – Бежим к автобусу! Не то опоздаем! – и уже на бегу совсем ошарашила, выпалив: – Знаю, ты на все лето приехал. Молодчина!

Я выдернул руку, отступил в сторону.

– погоди, – опустил сумку с вещами на асфальт. – Куда ты меня тащишь? Объясни толком, а то набросилась... Откуда сама-то здесь взялась? Ничего не понимаю...

– Бежим! Наш автобус уйдет! – заторопила Маша. – Очередной аж через два часа будет... И не волнуйся, я тоже в поселок... Да бери ты сумку!.. Скорее!.. Нас же не станут ждать...

Мы забрались на переднюю площадку «ПАЗика». Автобус вздрогнул и тронулся. Стиснутые пассажирами, покачиваясь в такт движению, мы тарасились друг на друга. Вернее, я тарасился... И было от чего... Маша когда-то жила в нашем городе, в одном со мной доме... Когда заканчивали четвертый класс, она уехала с родителями... Тогда ее отца, офицера российской армии, перевели в другую войсковую часть. Сюда, значит...

– А ты говорила: на север...

– А что, и помечтать нельзя?.. Так хочется увидеть северное сияние...

– И покататься на льдинах с белыми медведями...

– Да ладно тебе, – улыбалась Маша. – Не представляешь даже, как я по вас соскучилась!.. – она крепко сжимала мою руку и настолько выражала взглядом свою радость, что я, к своему удивлению, не отстранялся. – Как там у нас? – спросила, но тут же с грустинкой поправилась. – У вас теперь, конечно... Расскажи о ребятах...

Суетливые пассажиры выходили на остановках. Места освободились, и мы, довольные, разместились возле двери. Мимо за окном проносились поля, перелески, селения, но рассматривать их было некогда. Маша забрасывала меня вопросами, желая узнать самые мельчайшие подробности о своих прежних подругах, знакомых мальчишках, соседях по подъезду... О, как она была огорчена!.. «Не знаешь, с кем Вовик дружит? Да как же так! Ведь это так интересно...». «Да как же ты мог не заметить, красится ли Наташка?». Глупая! На что мне это надо?.. Я догадывался, что Маша совсем не случайно оказалась на вокзале в час прибытия пассажирского.

– Откуда ты узнала, что я приезжаю?

– От Глеба... На весь поселок растрещал... Мы с Глебом в одном классе учимся... Однажды увидела у него твою фотку. Он ее ребятам показывал...

– Ты Глебу рассказывала?..

– О чем?

– Ну, что мы с тобой знакомы...

– Зачем?.. Задавака он, строит из себя... Я с такими не дружу... – вдруг смутилась. – Я у него твою фотку утащила... На память о прошлом... Он положил ее в учебник, отлучился на переменке, – покраснела. – Я плохо поступила, да?.. Ладно, перебьется. У Глеба фотоаппарат есть, вместе не раз еще сфотографируетесь... А я, представляешь, смотрю на твою фотку – одноклассников вспоминаю. А еще помню, как здорово ты выбивал чечетку на сцене Дворца строителей. По-прежнему танцами увлекаешься? – прикрыла глаза в усладе. – А еще помню, как мы с тобой вальсировали на конкурсе в парке культуры... Па – па-па... – печально вздохнула. – Так хочется в город...

Под ложечкой у меня защемило.

– Только не говори Глебу, – попросил я.

– О чем не говорить?

– Что мы с тобой танцевали...

– Ну и что? Чудак!

– Не надо, ладно?

– Как хочешь, – Маша обиженно поджала губы. – Стесняешься? И зря. Уметь танцевать – это здорово! Мальчишки на танцах хмыкают в сторонке, а ведь каждому хочется повальсировать. Знаю, дома перед зеркалом тренируются, а на людях – столбом. А девчонкам, сам же знаешь, всегда в радость, когда мальчишки на танец приглашают.

– Все равно не надо...

– Жаль... Смотри, мы уже почти подъезжаем!

Лесопосадка вдоль дороги оборвалась. В чистом поле, на возвышении, я увидел антенны впечатляющих размеров и самых невероятных конфигураций: одна медленно поворачивалась по оси, другая – совершала колебательные движения вверх – вниз, третья – тупо вытягивалась в небо. Вокруг возвышенности среди деревьев виднелись строения, машины.

– Военный объект? – спросил я, завороченный увиденным.

– Да, радиотехническая часть, – отозвалась Маша. – Здесь одними из первых узнают, то ли в воздухе нарушитель границы, то ли самолет захвачен террористами, а возможно, пожар на борту или отказ двигателя...

– Твой папа здесь служит? – догадался я. – Ты там бываешь, конечно. Позавидуешь... А это что? – ужаснулся я и влип в окошко, когда мимо поплыли остовы разрушенных зданий, обгоревшие сооружения.

Развалины и пепелище занимали огромную территорию на окраине поселка, в который мы въезжали. Торчали обгоревшие стволы деревьев, среди бурьяна и сохранившейся зелени громоздились кучи битого кирпича, завалы бревен, груды железа, искореженные машины, трактора...

Кто-то, сидевший позади нас, вздохнул:

– Э-хе-хех... За небом смотрят, чтобы беду предотвратить... А на земле в это время...

В салоне автобуса затихли разговоры. Картина за окном сменилась, но броские по красоте домики, тенистые сады, широкая улица больше не вернули пассажирам прежнее настроение.

– Нам на следующей остановке выходить, – сказала Маша.

– А что это было? – настороженно спросил я.

– Руины имеешь в виду?... Это бывшие маслозавод, мясокомбинат, ковровая фабрика...

– Что же случилось? Террористы?... Глеб не писал об этом. Значит, недавно?..

Меня взял за плечо сидевший позади старичок.

– Ты, видать, не здешний? – поинтересовался он. – В гости?

– У них в городе, дедушка, – Маша кивнула на меня, – террористы уже четыре раза устраивали взрывы: один – в магазине, остальные – на улице, возле остановок. Десятки человек погибли. Я в газете читала...

– У нас хоть без жертв, – вздохнул старичок.

– Как без жертв? – не согласился с ним водитель автобуса. – Сотни людей без работы, без средств на жизнь, а почти в каждой семье – дети. Кто жил трудом с производства, тот брошен на произвол судьбы. Выживет – хорошо, а нет – и ладно... Попробуй сейчас найти работу с хорошим заработком!.. Не всем же в Москву ехать шабашить...

Водитель затронул пассажиров за живое. Они зашумели, заговорили о наболевшем:

– Кто раньше воровал, спекулировал, разбойничал, те хозяевами себя чувствуют... Видите ли, предприимчивыми их сейчас называют. Да какие они к черту предприимчивые!.. Во время приватизации раскупили за бесценок все, кто что успел, кому что досталось... И все развалили разом, разбазарили...

– Судить таких надо... В поселке, вспомните, были свои пекарня, столовая, разные ателье, даже больница, строилось жилье, содержались в порядке дороги... А что сейчас?.. Нет

предприятий – нет ничего!.. Такого развала, рассказывают старики, даже в годы войны у нас не было. Поселок в захудалую деревню превращается...

Но мне уже не суждено было дослушать их рассказ о том, как дружно и весело они жили совсем недавно...

– Вон, видишь, Глеб тебя на остановке дожидается... Так я и предполагала, – Маша поднялась и одернула платице. – Обо мне ему ничего не говори. Пусть это будет наша тайна. Хорошо?

Знала б она, как я ей был благодарен: сама отвязалась!

Автобус замедлил ход, развернулся возле магазина и остановился. Пассажиры подхватились с мест, и я первым рванулся к выходу. И едва ступил на землю, как сразу оказался в объятиях. Мы с Глебом, дурачась и радуясь, тормозили друг друга, толкались, хохотали.

– Ты что меня не встретил? Забыл про меня, что ли? – наседал я.

– А кто за тобой посылал автобус, как не я? – парировал Глеб.

– А все-таки...

– Отец куда-то забурился... У лесничего, сам понимаешь, дел полным-полно... Мне бы, дурню, рвануть на станцию на автобусе, да так хотелось с шиком прокатиться на мотоцикле! Все надеялся, что отец возвратится с минуты на минуту, вот и упустил время...

Я не видел, как сходила с автобуса Маша, не заметил, куда она девалась. Хорошо, наверное, что Глеб меня не встретил. С другом – все лето впереди. А с Машей удастся ли пообщаться так долго один на один? Вдруг показалось мне, что встреча с ней была для меня приятной. Надо же...

Злополучная телогрейка

Тете Оле, маме Глеба, хотелось хорошенько попотчевать меня с дороги.

– Да погоди, куда торопишься? Успеете набегаться, – остепеняла она сына, которому не хотелось долго задерживаться за столом. – Попробуйте, как вкусно... Молочком запивайте, – угощала она очередным яством. – Пусть Сережа отдохнет часок в тенечке. Я одеяло расстелю под яблоней. Почитайте что-нибудь. У тебя же, Глебушка, много книжек интересных... Да и я с вами посижу. Хочется узнать, как там, в большом городе живет... Да не суетись ты!

– Ладно, мама... Некогда нам, – отвечал Глеб. – Вечером Сережка тебе обо всем расскажет... И вовсе не устал он. Ведь правда? – наступил мне под столом на ногу. – А где наш Ярик, мам?.. Я его что-то не вижу... Ярик, Ярик, Ярик!..

– Да не крутись ты! Стол опрокинешь! И Сережу совсем затолкал... Отыщется твой Ярик... Где-то бегаешь...

Из писем я знал, что у Глеба совсем недавно появился щенок. «Потешный, суетной, играть любит, куда я – туда и он. А какой послушный! Я его дрессировать начал», – делился радостью приятель.

– Спасибо, мама, – заторопился Глеб. – Пузо лопнет, – похлопал себя по животу. – Сама говорила, что наедаться вредно. Говорила же?.. И лежать после плотного обеда не на пользу... Жизнь – это движение!

– Ладно, – отмахнулась мама. – Только далеко не ходите. И смотри, сынок, не втяни Сережу в какую-нибудь историю. С тобой вечно приключения случаются.

– Не бойся, мама, – пообещал Глеб. – Мы в футбол с ребятами поиграем.

Я переоделся в трико. Через калитку вышли на улицу.

– Дзинь, дзинь, дзинь, – сигналил голосом вместо звонка, подкатил на велосипеде мальчишка, за спиной у которого, на багажнике, крепко держась, сидела малышка. – Дзинь, дзинь... Станция Березай, скорее вылезай!..

– Я еще хочу, не останавливайся, – запищала девочка. – Еще не накаталась...

– Не накаталась, – передразнил ее велосипедист. – А перекурить-то можно?.. Димка, – представился он и протянул мне руку. – Куда собрались?.. А меня вот – привязали... Карантин в садике... Наказал бог сестренкой!..

Малышка забарабанила брата по спине.

– Хочешь прокатить Ингу? – предложил мне Димка. – А я хоть отдохну малость... Совсем заездила...

– Не хочу! – завопила девочка и крепче обхватила брата руками. – Не хочу!

– А с Глебом? – предложил Димка. – Ты же с ним каталась...

– Не-не! Он хотел меня в канаву сбросить... Он так гнал, так гнал!.. Я же тебе рассказывала...

– Да он же нарочно, Ингочка.

– Аг-га! Он и в крапиву свернул – я ногу обжигляла, и в столб чуть не врезался. Какое нарочно?!

– Нужна ты ему, – буркнул Димка. – Я сам тебя сейчас в крапиву завезу! – оттолкнувшись, вскочил в седло и закрутил педалями, удаляясь. – Дзинь, дзинь, дзинь...

Глеб хмыкнул:

– Я Ингу пугал, чтобы она ко мне не привязывалась. С ними, маленькими, чуть повозись – не отстанут... Жалко Димку. Сейчас бы вместе на речку сходили...

– А давай заглянем на развалины... Интересно там?

– Ерунда, – отмахнулся Глеб. – Вымажемся только... Грязь, пыль, сажа... Балки висят... Подвалы глубокие... В бурьяне оступишься – костей не соберешь... И балкой по голове может шандарахнуть... Когда-то туда тянуло. Надоело.

– И давно так?..

– Да и давно уже... Как себя помню... Рассказывают, сначала фабрика закрылась, а потом – маслозавод и мясокомбинат... Наперсток распродал оборудование и машины, вывез бетонные блоки, стал стены зданий разбирать...

– Наперсток?.. А кто это?..

– Ну, кто-кто... Директор бывших предприятий... Это у него прозвище такое... Когда-то, говорят, в наперсток играл на вокзалах – по городам мотался, лохов околпачивал... А зачем тебе все это знать?

– Да так... В автобусе слышал разговор...

Опять послышалось знакомое «дзинь, дзинь, дзинь».

– Ш-ш-ша! – Димка ударил по тормозам.

Малышка за его спиной завопила: ее, бедную, так встряхнуло, что наверняка внутри шестеренки за шестеренки заскочили.

– Я маме расскажу! – пригрозила Инга. – Не тормози так! И ездь по ровной дороге. Меня растрясло. И сидеть больно.

– Кисейная барышня... А мне, Ингочка, хочется отдохнуть. Я устал. Посидим на лавочке?

– Фу ты! – вспыхнула девочка. – Читать – язык у тебя не ворочается, кататься – ноги болят... Не вредничай, Димка! Капризный какой-то...

Мы расхохотались.

– Ладно, нянька, бывай! – Глеб подтолкнул велосипедиста с маленькой пассажиркой. – Приходи на речку, когда освободишься...

Мы выбрались за поселок и оказались на широком лугу. Пересекли его и по тропинке, петлявшей между кустами низкорослого лозняка, вышли к реке.

– Потом окунемся, а пока давай смотаемся за удилищами, – предложил Глеб.

Прошли берегом к мосту и вскоре очутились на противоположной стороне... От моста к лесу тянулась проезжая дорога, но Глеб показал мне на тропку, уходившую по лугу вправо, и дальше мы двинулись по ней.

Товарищ, шагал впереди.

– Что еще за тряпье? – остановился он, и я увидел возле дорожки рваную телогрейку: потертая и в заплатках, а один карман наполовину оторван. – Ну и народ! Уже в лес хлам сваливают... Хоть бы уж подальше с глаз, – Глеб на ходу поддел находку палкой и зашвырнул ее в ближайšie заросли лозняка.

Через несколько минут забрались в самую глубь орешника. Долго выбирали удилища. Хотелось, чтобы они были длинными, легкими, гибкими. Такие, кажется, и вырезали. Пока выбирались из лесу на опушку, поочередно опробовали каждое в вытянутой руке... Я уже явственно представлял, как сидим с удочками на берегу затененной спокойной заводи...

– Теперь можно и окунуться, – сказал Глеб, когда вышли к реке. – Одежку лучше спрячем, – и стал стаскивать с себя рубашку и штаны.

– Зачем? От кого? – удивился я. – Тут ни души, да и кто позарится на наше барахло? – но покорно отдал товарищу свои рубашку и трико.

– Ты послушай, – Глеб таинственно поднес палец к губам. – Слышишь?

Где-то справа по реке, в глубине зарослей, мычали коровы, и только...

– То-то... – Глеб посчитал, что я правильно догадался. – Стадо бредет по дороге. С минуты на минуту здесь будет.

– Ну и что?

– Как что? Да от нашей одежды шмотья могут остаться!

– Как так? – удивился я, хотя вспомнил, что в книжке читал, как чей-то теленок изжевал чью-то майку.

– Ну, знаешь, – пожал плечами Глеб. – Может, коровы и не тронут... А вдруг?! На всякий случай, – он запихнул нашу одежду поглубже в куст, расправил ветви и траву, чтоб прикрывали хоронку. – Порядок! – оценивающе присвистнул и, – Х-ха! – с воинственным кличем разбежался, оттолкнулся от кромки берега и, сделав в воздухе сальто-мортале, красиво вошел головой в воду.

Я же неспешно соскользнул по склону берега к воде, и лишь когда зашел в речку по пояс, торпедой пошел в глубину. Пусть Глеб бахвалится, он знает речку как свои пять пальцев, потому и не остерегается...

Речка не слишком широкая. Противоположный берег – песчаный. Он и поманил нас с Глебом к себе, когда вдоволь наплескались, гоняясь друг за другом... На берегу понежились на песке, потом нашли полиэтиленовую бутылку и принялись гонять ее босыми ногами взамен футбольного мяча, то пасуя ее друг другу, то отнимая...

– Гляди-ка... Что за ерунда?! – замер Глеб, выпучив глаза не то от ужаса, не то от изумления.

– Ты чего? – насторожился я и посмотрел в ту же сторону.

На покинутом нами берегу... Я глазам своим не поверил!.. Надо же!.. На том месте, где мы совсем недавно раздевались перед купаньем, какой-то пожилой мужик – картуз у него сбился на бок, выцветшая клетчатая рубаша выскочила из брюк – с ожесточением ломал наши удилища!

– Кто это? – ахнул я. – Что он, взбесился?

– Стой! Не вздумай к нему! Убьет! – Глеб больно ухватил меня за локоть, будто я и впрямь намеревался так поступить. – Это Маляма... Недавно из тюрьмы вернулся. Что трезвый, что пьяный – хуже злой собаки...

– Но мы... Мы же ему ничего плохого не сделали, – возмутился я. – Или ты, Глеб, когда-нибудь ему насолил?..

Мужик тем временем расправился с удилищами, поднял с земли кнут и, хлестанув им, свирепо выругался.

– Я долго буду вас ждать? – переметнулся он на нас. – Сейчас же возвращайтесь! Живее! – он выматерился и, постукивая кнутовищем по сапогу, заходил вдоль берега. – Не слышите, что я вам говорю?! Оглохли?

Глеб буркнул:

– Как бы не так! Дураков нашел...

– А чего он?

– Спроси... Кто-то его раскрутил, вот на нас и решил отыгаться...

– Но как же так?!

– Да так!.. Молчи лучше... Побесится и уймется... Для него это обычно...

Но я уже взбунтовался.

– Зачем вы удочки сломали? – закричал я через речку с возмущением. – Почему вы нам угрожаете? С какой стати? Мы же ни в чем не провинились...

Мужика будто кто шилом пырнул.

– Ах вы, мерзавцы! Еще оправдываться вздумали! Или под дурачков прикидываетесь?.. А вы зачем мою телогрейку порвали? Чего по карманам рыскали? Негодяи! Деньги, которые взяли, – верните! По-хорошему верните!

Мы разом присвистнули, переглянулись. Влипли, так уж влипли! Нечего сказать...

Хотя, почему влипли?

– Мы никого не видели поблизости... Мы решили, что телогрейку выбросили, как изношенную вещь... Понимаете?.. – сбивчиво, шморывая носом, начал я оправдываться. – Но мы в карманы не заглядывали, денег не брали. Честное слово, не брали.

– Ты не балабол, мерзавец, – погрозил кнутом Маляма. – Все я видел, да только жалко – далехонько находился. Но все равно попадетесь!.. А ты, Глеб, думаешь, что я тебя не узнал?.. Отец у тебя – вор и сына-вора вырастил... Твоего отца, Глеб, давно надо гнать из лесничества!.. Других наказывает, а сам-то каков?.. Рыльце у самого в пушку... Лес налево-направо продает? Продает! Не я один об этом знаю...

Глеб, потупившись, отмалчивался.

– Теперь не отцепится, – наконец выдал он из себя раздраженно. – Надо уйти, чтобы унялся...

И, правда, когда мы нырнули в заросли и затаились, Маляма минуто-другую позлословил, наобещал нам массу неприятностей, но ничего больше ему не оставалось – потоптался и вразвалочку зашагал от реки, туда, где за кустарником возле леса слышались мычание коров, собачий лай, хлопки пастушечьего бича.

– Забавно, – поспешил я заметить. – Прятали одежду от коров, а получилось – от пастуха. Догадается о ней, обязательно вернется... Что будем делать?

Мы выбрались из укрытия и плюхнулись на песок.

– Ужас! – я не мог прийти в себя. – Да он бы нас голыми руками сцапал! Как слепых котят. Хорошо, что не остались на том берегу! Хорошо, что здесь задержались! Ты представляешь, что было бы?! Представляешь? Да мы бы и не подумали от него убежать! Ведь, правда?

Глеб будто и не слышал моих восклицаний, вздыхал и чертил палочкой на песке непонятные знаки.

– Трудно сейчас отцу, – обмолвился он. – Ты слышал, что пастух говорил?

– Ну и что? Пусть наговаривает, пусть выдумывает. Кто ему поверит?..

– Все знают...

– Что? О чем ты? – не понял я.

– Не наговаривает, а попрекает. И один ли он?

– Как попрекает? За что?

– Да знаешь... Отец хочет, чтобы по закону было... Но есть люди, которым кажется, что они сильные мира сего, что им все не возбраняется... И отцу приходится им подчиняться... Не просто все, Серега... Поживешь у нас, увидишь...

Мы помолчали.

– А чего мы сидим, – неожиданно встрепенулся Глеб, подхватываясь с места. – Пошли-ка за одеждой!

– Ты что? – ужаснулся я. – Спятил? – и раздраженно прихлопнул присевшего на коленку надоедливого овода. – Маляма ж прибьет, если попадемся...

– А ты рот не разевай! А застучает – лучше в заросли убегай. Там кнутом наотмашь не лупанет!..

Я, признаюсь, замешкался, нерешительно ступил в воду за товарищем. Что, если пастух возвратился и наблюдает за нами из кустов? Страшно даже подумать...

Я старался плыть бесшумно, а потому не попевал за Глебом. Я еще находился в реке, когда он уже выбрался из воды и, вытягивая шею, покарабкался вверх по склону. Сейчас!.. Вот сейчас Маляма... В ожидании неминуемой беды я на какое-то мгновение перестал грести руками, и тут же, окунувшись с головой, наглотался воды, закашлялся.

– Да тихо ты! – в сердцах цыкнул Глеб, дождавшись меня наверху откоса. – Пригибайся. И в оба смотри. – Он вытащил из кустов нашу одежду, поплотнее свернул ее и прижал к груди. – Кажется, нормалек! – оценил обстановку. – Уходим!

Мы метнулись по берегу, прячась за кустами. И оказалось, вовремя. Река делала поворот, и нам хорошо было видно, как в том месте, откуда только что мы убежали, появился Маляма с овчаркой на поводке... Мы рванули от реки через заросли и, выскочив на дорогу, помчались по ней к поселку во всю прыть. Я хотел было предложить Глебу вырезать новые удилища, но передумал.

Когда перешли на шаг, послышались раскаты грома.

– Гроза? – я поднял голову, но увидел лишь небольшое облачко медного цвета, нависшее над лугом.

– Пугает, – отозвался Глеб. – Бабка Матрена, наша соседка, обычно говорит, что гром – это предостережение с небес... Мол, кто—то что-то не так сделал...

– Вот и бахнуло б, когда мы подходили к телогрейке, – хмыкнул я. – Чего уж теперь гроыхать?..

Приставалы от скуки

На лугу, у околицы села, ватага мальчишек гоняла футбольный мяч. Глеба окликнули и попросили постоять на воротах. Но он отказался.

У себя во дворе Глеб шмякнулся на ворох сена, разбросанного на просушку, и раскинул руки.

– Ох, и достанется же нам от Малямы, – простонал он, предчувствуя страшную расплату.

Я вспомнил про собачонку и направился к конуре возле крыльца. Присвистнул и позвал: «Ярик, Ярик, Ярик...». Собачонка не отзывалась.

В двери, возле замочной скважины, торчала бумажка.

– Глеб, здесь тебе записка, – крикнул я. – Мама, наверное, оставила... Она на работу ушла?

Товарищ поднялся с вороха сена, ступил на крыльцо.

– Ничего себе! – вырвалось у него, когда развернул записку. – Ну уж, – он растерянно посмотрел на меня, но тут же отвел взгляд, скомкал бумажку и сунул ее в карман брюк.

– Что-то случилось?..

– Да ничего... Ерунда! – он нагнулся и из укромного места под крыльцом достал ключ.

– Но, Глеб, я же вижу...

– Ерунда, – повторил товарищ и заторопился открыть дверь. – Я достану из погреба молока, разогрею картошку... А ты, знаешь что, сходи за водой к колонке... Это уже давно моя обязанность...

Я не стал донимать Глеба расспросами. Может быть, мама как раз и пожурила сына за то, что забыл про свою обязанность. Взял в коридоре пустые ведра и вышел через калитку на улицу.

Мимо колонки мы только что проходили, а потому никого не надо было спрашивать, где она находится. Я разогнался, чтобы поскорее возвратиться обратно, но, завернув за угол, замедлил шаги... Какие-то мальчишки – их было пятеро, дурачились, облепив колонку: один из них навалился на нее животом, а другие раскручивали его, как пропеллер, схватив за растопыренные в разные стороны руки и ноги... Мальчишки визжали от удовольствия... Когда я подошел к ним, перестали валять дурака и уставились на меня с любопытством: откуда, мол, взялся такой?..

Со скрипом распахнулось окно в доме напротив колонки.

– А ну, марш отсюда! – с раздражением крикнула тетенька, высунувшись наружу. – Нашли место для баловства! Чтобы здесь я вас в последний раз видела! А ты, Митька, чего с хулиганами сватажился? Я вот матери скажу, что ты куришь.

– И вовсе я не курю. С чего взяли? – буркнул мальчишка с царапиной на переносице; пристыженный, угнул голову и первым отошел от колонки.

– Что ж, теперь и воды нельзя попить? – огрызнулся второй из компании, неохотно слезая с колонки. Когда стал на ноги, оказалось, что он и ростом повыше остальных, и в плечах пошире...

Верзила что-то произнес в полголоса. Дружки расхохотались, и шатия-братия, которой не находилось дела со скуки, неспешно удалилась за угол, из-за которого я недавно вышел. Правда, верзила на прощанье окинул меня недобрый взглядом... Чудак, будто это я помешал им поразвлекаться...

Наполнив водой ведра, я заторопился. Глеб явно меня уже заждался. Но, выскочив на перекресток, замедлил шаги. Вся компания в полном сборе поджидала меня возле огородной изгороди под вишнями.

– Эй, пацан! Иди сюда. Пить хочется, – приказал верзила.

– Пейте, – миролюбиво сказал я, – мне не жалко, – и поставил ведра на землю: им надо, сами и пусть подходят.

И они подошли, но нарочито вразвалочку, черепашьим шагом. Я внутренне почувствовал, что тучи над улицей сгущаются, но не подал виду.

– А мы думали, что ты жадный, – хмыкнул верзила. – А ты вежливый... И не трус вроде... А ну, Митька, проверь-ка: холодная вода или нет...

Мальчишка с царапиной на переносице опустил на корточки, чуть приподнял ведро, с жадностью и наслаждением принялся отхлебывать и причмокивать...

– Соплей напустишь, – хохотнул зачинщик и тут же бесцеремонно толкнул дружка под зад. Толкнул слегка, но и этого было достаточно, чтобы Митька, теряя равновесие, выронил ведро из рук. Оно, конечно, опрокинулось.

Я шархнулся в сторону от хлынувшей под ноги воды и плечом к плечу столкнулся с Митькой, который проворно подхватился с земли и по чистой случайности не вымок. И в этот самый момент к другому ведру подскочил шуленький мальчишка с ехидными глазками. Мгновение, и оно, опорожнившись, задрезало по дороге.

– Ах, так! – я сжал кулаки и двинулся на обидчиков.

– Ну-ну! – стали стеной четверо, кроме Митьки, который насуплено застыл в ожидании развязки в трех – четырех шагах от них. – Ну, попробуй!..

– Эй, Черета! – услышал я позади громкий повелительный оклик и, обернувшись, увидел взрослого парня, катившего по дороге тяжелый мотоцикл с коляской. – Помогите всей бандой. Не заводится, шельма! – достал из кармана непечатую пачку сигарет. – Лови! – бросил ее верзиле.

Вот черти! Они будто и не приставали ко мне. Черета двумя руками вцепился в багажник и принялся пихать мотоцикл из последних сил. Дружки его, в том числе и Митька, дружно бросились на подмогу. Для них я не существовал больше! Что значит, затевали драку от нечего делать!

Когда я снова наполнил ведра водой, «Урал» взревел где-то в отдалении.

Во дворе, у крыльца, столкнулся с разъяренным Глебом.

– Ты что, в райцентр бегал? – набросился он на меня, и тут же зачем-то заглянул под опрокинутую бочку. – Нет. Нигде нет. Всюду обыскал. И в сарае, и за погребом, и в огороде...

– Чего нет?

– Чего-чего... Собачонка пропала!

– А ты покричи. Может, где дремлет, – посоветовал я и позвал громко. – Ярик! Ярик! Ярик!

– Да кричал я, – простонал Глеб. – Кричал! Это Карасик щенка забрал. Точно! – он со злости ударил кулаком по пустой бочке, и та протяжно загудела. – Ярик у Карасика пропадет. Ты думаешь, где я собачонку взял? У Карасика купил! За сто рублей еле с ним сторговался. Не поверишь, Карасик нес топить щенка в реке!

– Карасик?.. А кто это?..

– Кто-кто... Пацан один... Прозвище у него такое... Когда был мальцом, стырил у рыбаков рыбешку из ведра... Рыбаки – взрослые мужики, стали понарошку ее отнимать у него, а малец в крик: «Не отдам!.. Мой карасик...» Так и стал навсегда Карасиком...

– А может, не он украл собачонку?

– Ну, как же не он?! Карасик деньги растратил, а утверждает, что обронил сотенную у меня во дворе... Пусть не врет! Я отдал ему деньги вот здесь, на этом пяточке, и проводил за калитку. Что я, беспамятный?.. Теперь требует Ярика обратно. То упрашивает обменяться на какую-либо вещь, то грозит украсть собачонку... Не слепой: видит, что из нее умница растет...

– Так давай Карасика разыщем! Если и вправду украл, вздуем! Я только что пацанов возле колонки встретил. Не с ними ли он?

– А чего ж молчишь?! Пошли.

– Но их, – спохватился я, – их уже там нет... Они чей-то мотоцикл покатали...

– Ладно, – успокоился Глеб. – Не барин, чтобы за ним бегали. Вечером домой к нему сходим. Поговорим с ним раз и навсегда.

Я не стал рассказывать Глебу о стычке с мальчишками. Зачем? Дело обычное: познакомились – пообщались – разошлись...

Мы слопали картошку с яичницей, выпили по кружке молока.

– Вернем мы Ярика. Не переживай, – утешал я расстроенного Глеба. – А про Маляму забудь. Ну его к лешему! В конце концов, мы перед ним малость виноваты. Ну, подумаешь, забросили его телогрейку... Не на дерево ведь, не в речку... Он уже, наверное, в этой телогрейке ходит, уже давно перебесился, о нас и не думает...

Глеб поднялся из-за стола, помыл и убрал в шкаф посуду.

– В одно место мне надо, – произнес он наконец и посмотрел на меня так, будто раздумывал, доверяться мне или нет. – Очень-очень надо...

– Что-то еще стряслось?..

– Да нет... Не опасайся...

– Так что?..

– Дай слово...

– Никогда и никому, – твердо пообещал я. – Я же, Глеб, никого здесь и не знаю!

Слышала б меня Маша! Знал бы о нашей с ней тайне товарищ!

– Тогда бери в сарае весла, а я в дом – фотоаппарат захвачу... По дороге все тебе расскажу...

Неудачный визит

К речке выходили напрямик, чтобы побыстрее: вначале петляли по межам меж огородов, затем прыгали с кочки на кочку через заболоченный лужок. Я едва поспевал за товарищем, и мне было не до расспросов.

– А на Маляму не нарвемся? – только и спросил я, переведя дыхание возле пристани.

– Что он нам, – буркнул Глеб.

Мы отчалили. Лодка легко понеслась по течению. Глеб нажимал на весла, стараясь держать плоскодонку посередине реки, вздыхал и хмурил брови. Я же сидел на скамье напротив Глеба, вглядываясь вдаль, за его спину, предвкушая, что же такое ожидает нас, быть может, уже за очередным поворотом. Я не понимал, отчего это Глеб не хочет заранее поделиться со мной своими переживаниями.

– Кажется, нам здорово повезло, – нарушил он молчание и выпустил из рук весла. – Представляешь, мы с тобой будем работать в настоящей экспедиции... Даже не верится... С ума можно сойти!..

– Что ты! Какая экспедиция? – опешил я. – Куда мы плывем?

А лодка тем временем замедлила ход. Ее развернуло течением. Покачиваясь на волнах, она потихоньку прибилась к берегу.

– На, читай, – Глеб вытащил из кармана и протянул мне сложенный вчетверо лист бумаги.

– Что это?

– Записка. Та, что в дверях была...

Я развернул лист, пробежал взглядом по тексту.

«Мы не застали тебя дома, – значилось в записке, – но нам нужно срочно встретиться. Экспедиции, действительно, нужен человек, который детально знает все окрестности. Мы очень надеемся на твою помощь. До вечера задержимся возле реки. Знаешь вербу, рассеченную молнией? Ждем тебя на лодке. Прихвати фотоаппарат».

Под текстом стояла размашистая непонятная подпись, а сбоку текста было написано и подчеркнуто слово «Следопыт».

– Не понял, – сказал я. – Какая экспедиция? Кто этот самый Следопыт? Расскажи толком...

– А что рассказывать?! Видел, нынче вертолет над поселком пролетал?.. Не видел еще?.. Так вот, он несколько раз за день облет совершает...

– Ну и что?... Из воинской части, наверное... Когда я автобусом...

– Ты не перебивай, а слушай... Через наш поселок к райцентру тянут газ...

– Трубы закладывают?

– Да нет, пока, как отец говорит, ведут изыскательские работы. Проще, изучают местность...

– Ну, понятно... А ты-то причем?.. Считаешь, что на вертолет тебя возьмут?..

– Тупой ты, Серега! Разве карту или план только с воздуха размечают? Я видел, как люди с приборами ходили вдоль реки, а потом в лес направились...

– Давно было?

– На прошлой неделе. Дорогу у меня спрашивали. Я на велосипеде катался, сопровождал их немного, тропу через болото показал... Меня запомнили, наверное... Как считаешь?

Я пожал плечами.

– Так вот, – продолжил Глеб. – За лесом есть возвышенное место, где вертолет часто садится. Там стоит вагончик, где люди собираются. То ли отдыхают, то ли чертят что за столом – не знаю... Однажды, когда никого не было, я оставил в вагончике свою записку. Положил ее на стол, придавил пепельницей, чтобы сквозняком не сдуло...

– И что написал?

– Да что... – смутился товарищ. – Предложил им свои услуги... Я слышал, как дяденьки между собой говорили, что не помешало б им на месяц-другой найти среди местных хорошего знатока окрестностей... А я все наши места знаю как свои пять пальцев! Не веришь?

– Почему же...

– С отцом где только ни бывал! И на мотоцикле, и на моторке, и на лошади, и пешком... Да и сам по несколько часов проводил в самых глухих местах... А с Димкой сколько времени бродили за поселком!.. Да я писал тебе об этом!

– Сразу б и сказал...

– Что сказал? Кому? – не понял разгоряченный Глеб.

– Ну, тем, кому показывал дорогу через болото... Так, мол, и так...

– Постеснялся... Но все равно, думаю, они уже тогда мною заинтересовались. Старший группы похвалил, сказал, что рад будет новой со мной встрече, а когда прощались, – Глеб смутился, – назвал меня следопытом... Потому, наверное, это слово и отмечено в записке... Вместо пароля, вроде...

– А откуда они твой адрес знают?

– Они спросили, откуда я и чей... Я сказал... Они, оказалось, моего отца хорошо знают...

– Это же здорово!..

– Конечно! Мы будем работать в настоящей экспедиции! Пусть не в тайге, не в пустыне...

Какая разница! Сегодня вечером подробную карту окрестных мест набросаем...

– Думаешь, у них такой нет?..

– И нет! Я каждую тропку знаю, самой короткой дорогой могу вывести туда, куда попросят...

– А меня возьмут?

– Думаю... Ты же со мной! На все лето, быть может!..

– А нам заплатят за работу?

– Наверное... Если заплатят, то деньги поделим пополам... Как считаешь?..

Я ступешался:

– А я-то причем?

Глеб удивленно вскинул брови:

– А что ты будешь дома один делать? Скучать? Может, где-то на трассе у костра заночуем... А может и на вертолете прокатят?... Попросим пилотов приземлиться на поселковой площади, ступим на землю на глазах набежавших отовсюду пацанов... Представляешь?..

Как не представить?..

Это была моя давняя мечта. Сколько раз я мысленно разыгрывал такую сценку. Иду улицей. Люди вокруг не обращают на меня внимания. Вдруг в небе появляется вертолет. Я достаю ракетницу и выпускаю вверх ракету. Пилоты замечают меня, вертолет потихоньку опускается, выбрасывается лесенка... И вот я на глазах изумленной публики поднимаюсь по трапу в кабину... Что должно быть дальше, я никогда не домысливал...

– Лишь бы нас дождались, – заволновался я.

– Успеем... Написано же, до сумерек... Да и слышишь музыку? Наверняка, это они магнитофон врубили... Что-то там делают, а заодно и музыку слушают...

– А может, там отдыхающие, – возразил я.

– Скажешь тоже... За поворотом речки как раз то место, где молния нынешней весной расщепила дерево... Считаю, что мы почти доплыли...

– Совсем рядом с селом, – заметил я. – Можно б было и пешком сюда...

– Но просили же на лодке, – пожал плечами Глеб. – Им для чего-то надо... Поплыли?

– Конечно.

Товарищ взялся за весла и умело, быстро вывел лодку опять на середину реки. Заскрипели уключины. Побежали полукругом от нас волны.

По обе стороны реки вплотную к берегам подходил орешник, но за поворотом, с левой стороны, откуда доносилась музыка, он отодвигался, уступая место лужайке.

Когда поравнялись с увечной ракитой, нависшей над водой, на берег из-за кустов выскочили две девчонки в цветастых платицах.

– Глеба! Глеба! – в два голоса закричали они и замахали нам руками. – Плывите к нам! Плывите сюда!

Маша! Черт возьми, это действительно была Маша. Другую девочку я, конечно, не знал. Глеб нахмурился.

– Больно нужны нам, – буркнул он недовольно и перестал грести.

Я поднялся в полный рост. Берег хорошо просматривался до самого леса. Я предполагал увидеть на лугу палатки и машины. Но всюду было пустынно и безлюдно. Лишь две подружки, забравшись в воду по колени, приветливо махали нам руками, не скрывая радости.

– Не дождались, наверное, – огорченно обронил товарищ.

– Да, жаль, – сказал я.

Лодку тем временем прибило волной к берегу. Маша схватила ее за борт, как будто боялась, что мы раздумаем и поплывем дальше.

– Глеба, Глеба, – защебетала она, хитровато косясь на меня. – Познакомь нас со своим другом. Это тот самый мальчик, о котором ты говорил, да?.. Ой, да у вас фотоаппарат!.. Давайте сфотографируемся вместе на память!..

Глеб молча прыгнул на берег. Выбравшись следом, я помог ему вытащить нос лодки на сушу.

– Мы просим вас к нашему скромному столу, – гостеприимно сказала незнакомая мне девочка и указала рукой на разостланное покрывало под кустом, – Бутерброды, газировка, музыка...

– Ресторан под открытым небом, – хохотнула Маша. – Ну что вы, мальчики? Чем-то обеспокоены?..

– Да не, – отмахнулся Глеб, но все же спросил. – А вы давно тут?

– Не очень, – ответила Маша. – Мою подружку, – она повернулась ко мне, – зовут Таня, меня – Маша. А тебя как, мальчик?..

Я бросил на Машу устрещающий взгляд, украдкой показал ей кулак.

– Сережа, – сказал я.

– Сережа? – как бы удивилась Маша. – Ой, Сережа... Со мной когда-то учился мальчик Сережа, который так здорово танцевал!.. Никогда не забуду, как вместе с ним я участвовала в конкурсе, и мы заняли первое место, – она закружилась под музыку, смежевав веки. – Па – па – па... – остановилась и нежданно-негаданно спросила, подмигнув исподтишка. – А ты умеешь танцевать, мальчик?

Маше, видимо, нравилась игра, которую она начала с утра непонятно зачем.

Я улыбнулся. И Маша в ответ опять закружилась, запорхала пестрым мотыльком по ромашковой лужайке... Она, я понимал, приглашала меня... И чтобы не поддаваться соблазну, я поспешно отвернулся... Возможно, и зря, потому что никому до нас не было дела. Таня села на покрывало доплетать венок из ромашек и васильков, Глеб же бродил поодаль от нас, то оглядываясь по сторонам, то уставившись в землю. Он, конечно, пытался отыскать следы недавней стоянки экспедиции.

– Как я рада, что опять тебя вижу, – подступила ко мне Маша. – Еще что-нибудь расскажи о наших ребятах, о школе, о городе... Пожалуйста...

Мы присели на скамью в лодке...

Глеб подошел к нам минут через десять. Не обронил ни слова. Сбросил рубашку и трико, вбежал в речку и, ухнув в воду, поплыл. Даже мне не предложил искупаться. Знать, здорово огорчился...

В чужом дворе

К пристани мы подплыли уже в сумерках, когда в поселке зажглись огни. Надоедливые комары звенели возле лица, впивались в шею, руки. Громко и дружно галдели лягушки. Девчонки, поплавав с нами на лодке, убежали с речки домой часом раньше.

– Не дождались нас, – сокрушался Глеб.

– Знать, на то была причина, – успокаивал я его. – Если ты нужен, обязательно еще раз с тобой свяжутся...

И другая мысль докучала товарища.

– Мама места себе не находит сейчас, – беспокоился он. – Вот увидишь, у околицы встречать нас будет.

– Да вряд ли Маляма придет к тебе домой разбираться...

– Не скажи... Он, когда выпьет, может и среди ночи заявиться, к столбу ни за что придерется... А дерябнувши он почти постоянно.

Но тетя Оля встретила нас вполне спокойно.

– Где ж это вас носило? Целый день! – всплеснула она руками. – Ты хоть бы Сережу голодом не морил, – пожурила сына. – Мойте руки, и – за стол.

Мы поужинали.

– Пока тихо, давай к Карасику смотаемся, – предложил Глеб. – Если Маляма припрется, мама завтра ни за что не выпустит нас на улицу.

– Накажет?

– Да нет, за нас будет переживать.

Когда мы выскочили за калитку, уже порядком стемнело. Луны не было. Фонари горели только на перекрестках. Я постоянно оступался и спотыкался, ушиб коленку, наткнувшись на бревна, сваленные у одного из палисадников. Глеб тащил меня за собой темными улочками, по узким проходам между плетнями...

– Его дом – следующий, – указал рукой. – Перемахнем через изгородь в огород, а там есть лаз во двор: две доски отходят в заборе. Им Карасик пользуется, когда родители калитку запирают.

Из окон падал в палисадник свет. Слышалась музыка, грохот, голоса: по телику шел боевик. На улице – ни души, и во дворе – ни грюка, ни шороха. Как раз то, что и надо нам.

Не раздумывая, забрались в огород, Глеб сходу нашел нужные доски в заборе. Отодвинув их, протиснулся в узкий лаз и позвал взволнованно:

– Ярик, Ярик, Ярик...

Вздрыгнул я от неожиданного, радостного повизгивания собачонки. Значит, она здесь! Действительно Карасик украл ее! Ну и подлец!

Но почему Ярик не бежит к нам?

– Привязана или заперта, – простонал Глеб; и полностью забравшись во двор, велел. – Не отставай. Поглядывай за дверью в дом, а я пойду к сараю.

Мне и боязно, и не по себе вдруг стало. В чужой двор по-воровски? Не лучше ли днем встретить Карасика да честно расквитаться с ним? Но как магнитом потянуло к окнам. Осторожно подступив к крайнему от калитки, заглянул в комнату через щелочку между занавесками...

И охнул я, отшатнувшись в тень. А сердце-то как заколотилось! В комнате за столом сидел Маляма! Самодовольный, раскраснелся, что рак. Выпучив глаза, он рубил пятерней по воздуху и что-то горячо доказывал, не трудно догадаться – хозяину дома. Тот был в майке. Грудь волосатая, а голова совершенно лысая. Боже ты мой! Я узнал в нем недавнего своего попутчика! И верно говорят: мир тесен. С этим человеком я ехал поездом в одном купе!

Этого человека вместе с другими пожилыми пассажирами я пропустил вперед, когда выходили на станции из вагона! Хозяин дома хохотал, широко разинув рот. На столе стоял графин со спиртным, стаканы и тарелки с закуской.

Я вновь прильнул к окну и увидел... ехидину с мышиными глазками, того самого мальчишку, который опрокинул мое ведро с водой. Он лежал на диване, подперев руками голову и уставившись в экран телевизора. Так вот кто Карасик! «Ну, погоди!.. Я еще сведу с тобой счеты!.. Один на один... А за Ярика подавно не уйдешь от расплаты!»

К столу приблизилась женщина. Явно, хозяйка. Она подложила мужикам хлеба и огурцов, засмеялась, что-то сказав им. Уходя, потрепала сына за патлы.

– Сережка, Сережка, – услышал я за спиной и очнулся.

Надо уходить! Но что такое? Глеб звал меня от забора, где дыра, а собачонка жалобно скулила на прежнем месте – за углом дома.

– Ярик в сарае, на двери – замок, – чуть не плача вымолвил товарищ, когда я подскочил к нему.

– Убираться надо. Там Маляма, – кивнул я на окна. – С отцом Карасика пьянюжит. Честное слово.

– Да ну! – изумился Глеб. – А ты не ошибся?

– Иди, погляди...

Молча потоптались у лаза.

– Давай замок сорвем, – предложил я запальчиво.

– Что ты! Там засовы крепкие. Да и что мы, воры какие? За своим пришли...

– Так, может, Карасика на улицу вызовем?

– Не выйдет, я знаю...

Над крыльцом, осветив двор, вспыхнула электрическая лампочка. Скрипнув, стала открываться коридорная дверь.

Благо, Глеб уже стоял одной ногой в огороде. Я следом за ним, не остерегаясь, что обдеру спину о доски или гвозди, проскользнул в узкий лаз. И затихли мы, присев за кустами смородины.

– Кто там? – встревоженно спросила с крыльца женщина. – Кто?..

Следом за матерью вышел на крыльцо Карасик.

– Сколько раз говорила тебе: забей дыру?! – накинулась она на сына. – Сейчас же бери молоток! Иначе отца позову. При мне будешь заколачивать.

В щелочку было видно, что женщина держала в руке пустую кастрюлю. Возможно, она собралась спуститься в погреб...

– Ну, зачем ты к сараю пошел?! – услышали мы. – Молоток и гвозди в пристройке возьми. Отец там вчера работал. Лучше б к делу присматривался, чем с хулиганьем связался.

От шума во дворе собачонка еще громче завизжала и заскреблась в дверь сарая.

– А эту тварь выброси! – донеслось до нас. – Чтоб и духу ее не было здесь! Чем собаку кормить, так лучше поросенка лишнего держать.

Мы выбрались из огорода на улицу. Опираясь на изгородь, стояли до тех пор, пока не ушли в дом Карасик и его мать. Болью отзывался в сердце каждый удар молотка по гвоздям и доскам.

– Открыл бы Карасик сарай, Ярик к нам бы бросился. Верить?

Я утвердительно кивнул головой. И меня вдруг будто кто подтолкнул: метнувшись к калитке, поднял руку, чтобы постучать.

– Ты зачем? – цапнул меня Глеб за рукав. – Не дразни их, не надо.

– А я и не собираюсь дразниться. Мама Карасика охотно отдаст нам щенка. Ты же слышал...

– Дубина! Она и разговаривать с тобой не станет. Еще скажет, что во дворе какую-нибудь вещь украли. Горя не оберешься. И вообще – на твой стук Козырь выйдет, отец Карасика...

– Так как же быть?

– Завтра разберемся, – сказал Глеб. – С Яриком до утра, думаю, ничего не случится...

Спешить было некуда, и потому возвращались улицей, не срезая дорогу по огородам. Луна еще не взошла, но глаза уже привыкли к темноте, да и неторопливый шаг не мог привести к тому, что я где-то оступлюсь ненароком или невзначай натолкнусь на трубу, вкопанную возле забора вместо столбика.

– А отец Карасика ехал со мной в поезде, – сказал я, – в одном купе...

– Серьезно? – удивился Глеб. – Ну и ну...

– Не вспомню, на какой станции подсел... У дочки гостил... Попутчикам долго ее расхваливал. И такая она, и этакая... Только появился в купе, бутылку и закуску – на столик... И началось... Мужики-попутчики до этого в карты резались, шумели, но особо не докучали... Как стали выпивать, разгалделись, принялись доказывать друг другу – каждый свое, хоть уши затыкай... А отец Карасика, когда сильно подвыпил, набычился, забил себя в грудь и стал всех убеждать: «Я – козырный мужик!»... Смешно так...

– Ну, то, что он – «kozyрный мужик», всем в поселке известно... Но чтобы он кого-то угощал... Что-то не верится... С его жадностью...

– А чего ему... Хвастался, что опять крупную сделку провернул...

– Козырь?! Не смеди...

– Серьезно. Именно так говорил. Я ж не глухой... А еще утверждал, что всех в округе в кулаке держит...

– Фу ты!.. А не придумываешь?..

– Было б ради чего... Утверждал, что у него крупные связи в Москве... То ли в Министерстве каком-то, то ли в Главке... Я не запоминал... Зачем мне?..

Глеб расхохотался.

– Да Козырь всего-навсего шабашник. То плотничает у кого-либо, то помогает кому-нибудь ремонтировать технику... А чаще всего его можно встретить у Наперстка на угольном складе... Козырь у Наперстка – мальчик на побегушках, а в поезде перед чужими людьми просто бахвалился, под «нового русского» косил!..

– У Наперстка на угольном складе?.. Но погоди... Ты же мне говорил, что Наперсток – директор предприятий...

Глеб хмыкнул.

– Он, представь, и на угольном складе начальником... Он здесь всюду командует... И никто ему не указ... Домой придем, отца расспросишь...

Как в воду канул

С дядей Володей, отцом Глеба, не удалось поговорить вечером. Он сказал, что ему не до нас, долго курил на скамье у ворот, разговаривая с соседом, потом, хоть и было уже за полночь, позвонил кому-то по сотовому и ушел спать. А утром и вовсе не увиделись с ним – отправился на работу спозаранку, когда мы еще спали.

Под присмотром тети Оли мы похлебали щи, выпили по кружке молока.

– Долго на солнце не бегайте. И в речке не сидите до посинения, – попросила она убедительно, уходя на работу.

Мы вышли за калитку. Улица из конца в конец была еще в тени, а на освещенных солнцем огородах стоял туман. Куковала кукушка.

– Ух, и тресну я сейчас Карасика, – распаялся Глеб, набирая ускоренный шаг. – Если спит еще – разбудим. Родителей, наверняка, уже дома нет.

– А к Димке не зайдем разве? – попытался я приостановить товарища. – Может, мы надолго уходим...

– За полчаса управимся.

И опять Глеб принялся рассказывать, как намерен тренировать щенка, чтобы из него выросла хорошая собака.

– Хоть бы на Маляму не нарваться, – настороженно предостерег я, когда показался нужный нам дом. – Может, так напился, что у них заночевал?

– Да ну, он опохмелился и уже давным-давно за рекой. Коров, чуть рассветет, сразу на луг выгоняют... Действуем!..

Я попытался открыть калитку. Вот сейчас обомрет воришка!

– И не пробуй. Заперта, – остановил меня Глеб. – Постучи лучше в окно. Тебя Карасик не знает и выйдет. А меня увидит – не отзовется.

Я сглотнул слюну и застонал про себя. Как бы не так, не знает!.. Но безоговорочно зашел в палисадник. Почти прижавшись к стене, дотянулся рукой до окна и постучал. Сначала тихо, потом громче.

– Да ты покажись ему. Чего прячешься?

Я будто не слышал. Еще раз дотянулся до окна и сильно забарабанил по стеклу. Выждав немного, повторил.

– Наверняка нас увидел и за занавеской затаился, – сказал Глеб.

Я выбрался из палисадника и оценивающе прикинул высоту забора:

– А если перелезть? Вдруг собачонка и не заперта вовсе... По двору бегают...

– Ну, нет, – покачал головой Глеб. – Если б так, уже отозвалась.

Он громко заколотил в ворота и в тот же миг из глубины двора послышался звонкий лай.

– Вот видишь... Не подбегает... Значит, на прежнем месте, в сарае...

Я прошелся вдоль палисадника, пристально глядя в окна. Но ни одна шторка не колыхнулась...

– А что если перемахнуть через забор, открыть калитку да выкатить на улицу велосипед? – предложил я. – Он стоит возле ворот. Я вчера его видел. Карасик не стерпит и обязательно выбежит вслед за нами.

– Ну, скажешь... А вдруг Карасик и вправду уже умчался куда спозаранку. Тогда и получится, что велосипед мы воруем.

По дороге, подняв стену пыли, проскочила легковушка. Защебетали, облепив вишню, вертлявые воробьи. Хлопнула калитка в соседнем дворе, и на улицу выбежала девочка с мячом в руках. Осмотрелась по сторонам и вприпрыжку, напевая песенку, побежала в переулок.

– Нынешней весной чуть не утонула, – сказал Глеб, проводив девочку взглядом. – Во время ледохода. Оступилась и в воду с берега. Хорошо, Димка неподалеку был. Подбежал и вытащил... Так и быть. Давай к нему заглянем, а попозже втроем сюда наведаемся.

Уходили, оборачиваясь. Еще надеялись, что Карасик все-таки дома, обязательно выскочит из двора и злорадно подразнит нас.

На поселковой площади нас обогнали два автобуса. Возле здания с цветниками они остановились. Распахнулись двери, и на землю высыпались мальчишки и девчонки.

– Там лесничество, – сказал Глеб. – Это, наверное, городские школьники... Часто на экскурсию приезжают...

Мы молча прошли мимо кишачей, как рой пчел, толпы.

– Соберут их сейчас в тесном кабинете, – сказал товарищ, – расскажут про флору и фауну, потом сводят на речку или в ближайшую рощицу, и – до свиданья. Хорошо нам – раздолье на все лето!

Димку увидели издали. Ему опять не повезло. Сам он читал книжку, взобравшись на сложенные вдоль плетня бревна, а возле резного палисадника игралась с куклами Инга.

– Где вы вчера пропадали? – обиженно спросил он. – Несколько раз к вам прибежал, – расстроено покосился на девочку. – За Ингой соседка согласилась присмотреть, да куда-то отлучилась по неотложным делам, – и попросил. – Не уходите. Быть может, быстро вернется...

Мы рассказали Димке о своих вчерашних приключениях. Только о записке и нашем желании попасть в экспедицию и словом не обмолвились. Глеб не рассказал, а я подавно. Возможно, это его секрет... Пока – секрет...

– Ярика нужно забрать поскорее, – вскочил Димка с бревен, – иначе Карасик его изведет... Недавно он, придурок, насадил лягушек на колышки и поджег под ними бумагу. Смотрит и хохочет, да еще малышей заставляет сушняк подбрасывать. Я как раз мимо проходил. Разогнал мелюзгу, а Карасику тумачков надавал.

– И правильно, – похвалил Глеб. – Но за Ярика он не отделается подзатыльниками. Надо его искать!

И стали ребята упрашивать меня, чтобы остался посидеть с Ингой. Сослались на то, что Карасик может бегать не один, а с компанией, что и драться, вероятно, придется. Но я заупрямился. Ну, кому захочется нянчиться с чужой малышкой? Да и кто за меня всыплет обидчику?

– А может Инга сама во дворе поиграет? – предложил я. – Ничего с ней не делается...

И принялись мы ее упрашивать. Чего только не сулили! Глеб пообещал подарить толстую книжку с картинками, Димка – покатать на велосипеде далеко-далеко. Но девочка не соглашалась.

– Не буду одна, – твердила она насуплено.

Димка выкатил со двора свой велосипед.

Первым на поиски Карасика отправился Глеб. В ожидании посыльного тут же, на улице, мы сыграли две партии в шахматы, просмотрели коллекцию марок – у Димки их целых два альбома, и каких только нет!

Мальчишеский свист и дребезжание велосипедного звонка послышались не скоро.

– Нигде нет, – Глеб резко нажал на тормоза, подкатив к нам. – Нет Карасика ни на речке, ни в поселке. Хотел к нему во двор перелезть, да у соседей крышу красят. Не решился. Что удивительно, никто его сегодня не видел... Как в воду канул.

– Наверное, с Чередой где-нибудь шатается, – предположил Димка.

– Нет, я Череду встретил. Он укатил в лес. С Митькой, Тимохой и Прохой. На велосипедах. С удочками.

– Ну да! – не поверил Димка. – Черета на рыбалку поехал? Не завирай.

– И я удивился, – сказал Глеб. – Даже спросил у них: не сдох ли медведь в лесу?

– А Черета что ответил? – поинтересовался я.

– Да ну его, остолопа, к лешему. Передохну немного и опять поселок из конца в конец объеду.

Глеб подсел к нам на бревна.

– Знаете, ребята, – сказал я. – По-моему, Карасика в доме заперли. За лаз в заборе наказали!

– Ерунда! – сразу возразил Глеб. – А окна на что? Их-то не запрешь изнутри! Это у вас, в городе, с третьего-пятого этажа, попробуй, спрыгни. А у нас вылезть в окно – запросто.

Через несколько минут Глеб опять отправился в дорогу. А когда он безрезультатно вернулся, я решил прокатиться.

– Только не ездь далеко, а то заблудишься, и тебя самого искать будем, – забеспокоился Димка, – а хочешь, Ингу прокати... Инга!

Ту и не пришлось упрашивать, как вчера – сразу согласилась.

Я посадил девочку на раму перед собой, разогнался, вскочил в седло и нажал на педали.

На улицах было безлюдно. Лишь собаки временами злобно бросались под колеса и долго лаяли нам вдогонку. Автобусов возле лесничества уже не было. Школьников, явно, увезли на природу. Из магазина с сумкой в руке вышла на крыльцо – я заметил краем глаза – Маша. Заметив меня, приветливо замахала рукой, что-то прокричала. Я не остановился. Сделал вид, что ее не приметил. Вконец надоела с расспросами!

– Инга, а ты свой поселок хорошо знаешь? – поинтересовался я на всякий случай.

– Не бойся. Если и заблудимся, дорогу домой спросим у кого-нибудь, – резонно ответила девочка.

Я свернул в переулок и увидел впереди, за деревьями, высокие черные трубы... Вчера мне очень хотелось в самой близости посмотреть на руины...

– Не надо туда! – девочка заерзала на раме. – Там очень страшно... Пожалуйста... Свези меня лучше на луг, там я маме и бабушке соберу букетики цветов... Димку не допросишься...

Я развернулся на дороге. И велосипед, шурша шинами, весело покотил нас подальше от мрачных развалин.

Место не для шуток

Соседка забрала малышку. Мы настроили удочки, накопили червей и, прихватив весла, пришли на речку.

Пока Глеб, чертыхаясь, отмыкал лодку – заело замок, я с трепетом забросил снасть с берега, надеясь сходу выудить крупную рыбешку.

– Пустая затея! – сказал Димка. – Не смеди лягушек.

– Почему? Река – всюду река...

– Не скажи... Сейчас места покажем. Там уж клев, так клев. И рыба – с ладонь и больше...

Глеб загремел цепью, швырнув ее в лодку.

– Идите сюда! – крикнул нам. – Ну, чего там дурью маетесь?

Я смотал удочку, следом за Димкой запрыгнул в лодку и присел на скамью. И мы поплыли, как я надеялся, за богатым уловом.

Вскоре, не то за третьим, не то за четвертым поворотом реки – я не считал, Димка предложил:

– Давай я погребу...

И Глеб уступил ему весла.

– Ребята! – глаза у Димки ни с того – ни с сего засияли. – Может, удилица вырежем? – спросил и резво развернул лодку к крутому правому берегу.

– Куда ты?! – опешил Глеб. – Зачем нам удилица? Да и какие тут могут быть удилица? На берегу, глаза протри, сплошной лозняк, а не орешник!

Димка выровнял лодку. Но через минуту вдруг стал к чему-то прислушиваться; выпустив из рук весла, привстал, огляделся по сторонам...

– Что там? – насторожился Глеб.

– Кого увидел? – спросил я.

– Маляма! – неожиданно завопил Димка. – Скорее уходим! Собаку с поводка спускает! – бахнулся на скамью и с перекошенным от ужаса лицом принялся грести энергично, что есть мочи.

Я и Глеб оцепенели. Еще бы!

– Да ты что?! Где он? – побелел Глеб.

– Сворачивай к левому берегу! Скорее! – заторопил я, посчитав, что только на суше наше спасение.

Димка расхохотался.

– Что, сдрейфили? – захопал он в ладоши, сияя от восторга.

– Дурак! – простодушно буркнул Глеб. – Маляма и тебя не пощадит, если ему попадемся... Уходи! Я за весла сяду.

Глеб вывел лодку на середину реки. Поплыли дальше. Успокоились.

Когда минули очередной поворот, Глеб ахнул и уставился куда-то нам за спину, аж рот открыл от изумления...

– Что там? – спросили мы разом и повернулись.

– Лось, – прошептал Глеб. – На берег вышел...

– Где? – обрадовался я, вскочив со скамьи. – Где?.. Не вижу...

– Вон, смотрите... Да вон он!..

Привстал со скамьи Димка. И в тот же момент Глеб, изловчившись, сделал резкий выпад вперед и толкнул товарища с лодки:

– Поплавай! Остудись!

Бедняга Димка, не ожидая такого поворота событий, глыбой бухнулся в воду – наверняка, на километр распугал всех обитателей водоема. Вынырнул, отплеываясь...

– А водичка – во! – он показал большой палец. – Спасибочко, – он, явно, балдел от наслаждения.

– Ах, так! – вознегодовал Глеб. – Тогда держись! – он перемахнул через борт в воду. – Сейчас узнаешь, где раки зимуют, – и, пригрозив Димке, ринулся вплавать вдогонку за ним.

Я тоже прыгнул с лодки в воду. В несколько саженок догнал товарищей.

Глеб обдавал Димку брызгами, загребая воду двумя руками; наседали на него так истоиво и напористо, что не давал Димке даже малой возможности ответить тем же.

Я ударил ладонью по поверхности воды и тоже окатил Димку густым веером брызг.

– Ой, корова! Смотрите! – завопил он, отбиваясь от нас. – Да смотрите! Бестолочи!

– Ты не ври! – запальчиво закричал я. – Ты не ври! Кто теперь тебе поверит?

– Получай! Получай! – выкрикивал Глеб, посылая на Димку очередную порцию брызг. – Не будешь больше дурачиться!..

Димка отступал к песчаному берегу.

– Да посмотрите! Посмотрите же! – укрываясь руками, надрывался он. – И лодка поплыла к тому берегу!.. Да хватит вам!

Я обернулся, чтобы посмотреть, где же в самом деле лодка... Но лодку увидел в первое мгновение. На крутом берегу реки, действительно, стояла корова. «Мм-му-у-у», – протяжно замычала она, вытянув голову. «Мм-му-у-у», – отозвалась ей в кустах соплеменница...

– Уходим! – завопил я и ошалело рванулся к спасительному песчаному берегу. За спиной послышался собачий лай, и что-то вроде бы как бултыхнулось в воду – не овчарка ли бросилась на нас по команде Малямы?

Водоросли цеплялись за ноги и задерживали меня, а когда нащупал дно и побегал по поясу в воде, чуть не запутался в них и не упал. Выскочив на песок, с ужасом обернулся, готовясь к защите – я знал, что от собаки убежать нельзя.

Но по противоположному берегу носилась... дворняга. И лаяла она на коров! Вот что значит – у страха глаза велики! Псинка отогнала скотину от реки, и сама волчком шмыгнула следом в лозняк. А ребята... Глеб уже находился в лодке. Обезьянничая, он прыгал в ней и махал нам руками.

– Место не для шуток, – философски изрек он, когда опять вместе очутились в лодке.

– Не для шуток, – согласился с ним Димка. – Но для разборок – как раз... А давайте Маляму на разборки вызовем, – привстал со скамьи и, сложив ладони рупором, поднес их ко рту...

– Прекрати! – побагровел Глеб. – Ты что, белены объелся? – схватил удочку и для острстки замахнулся ею на товарища.

Димка не унимался:

– Да-да, место здесь рыбное, – он взял удочку в руку. – И я заброшу с удовольствием. Особенно здорово клюет поближе к правому берегу.

– Да хватит тебе! Сейчас как тресну! – разозлился Глеб. – Ну что ты, в самом деле?! – и вдруг встрепенулся, резко повернув голову и уставившись на опасный для нас берег. – Погодите... Слышите?.. Кажется, Карасик...

Мы разом поднялись в лодке в полный рост, но за кустами, конечно, никого не увидели. Оттуда уже явственно доносилось многоголосое мычание коров, выкрики пастухов, лай собак. Стадо, как я понимал, перегоняли по лесной дороге с одного пастбища на другое. На коров, и правда, вместе со взрослыми пастухами азартно орал мальчишка: «Куда пошла?! А ну, назад! А тебя что, не касается?»

– Карасик! Его голос, – согласился с товарищем Димка. – В пастухи записался... С чего бы?..

Глеб осторожно подогнал лодку к берегу.

Я следом за ребятами ступил на сушу.

– Ты тут оставайся, – повернулся ко мне Глеб.

– Но почему? Пошли вместе.

– Нам Карасик насолил порядочно. А ты его видел только раз, да и то в окно. За что будешь колотить?... Услышишь погоню – не жди нас, жми на лодке до следующего поворота. Там встретимся.

Они убежали.

Я посидел некоторое время в лодке, потом вытянул ее носом на сушу, убедился, что волной не снесет, и решительно направился следом за ребятами, ломаясь через кустарник на покрывания Карасика.

Когда ступил на тропку, которая, наверняка, выводила на дорогу, в стороне послышался шорох, и в то же мгновение с лаем бросилась мне под ноги дворняжка. Та самая, что отгоняла корову от берега. Я отпрянул, испугавшись, что псина сдуру вцепится мне в ногу. Выломал палку и замахнулся... Собака отскочила, но еще яростнее залаяла, злобно зарычала... Я опять замахнулся и пошел на нее... Да куда там! Дворняга с такой свирепостью ринулась на меня, что пришлось отступить... Я сделал вид, что побежден и ухожу восвояси. Но обмануть псину не удалось. Когда вернулся обратно, собака молчаливо ждала меня на прежнем месте... Увидела и опять ожесточенно залаяла...

Я плюнул с досады и вернулся к лодке.

Подошли ребята.

– Почему быстро? Всыпали Карасику?

С вопросами я, конечно, поспешил. Можно б было и не задавать их.

– Легко сказать, – бросил расстроено Димка. – Карасик с кнутом ходит. И здоровенная собака рядом с ним. Овчарка. Куда он, туда и она. Нас почуяла, уши наострила...

– Та, что вчера с Малямой была, – пояснил Глеб. – Вот бы на нас ее натравил!..

Димка хмыкнул:

– Может, и не бросилась бы. Овчарки, вообще-то, умные...

– На лбу у них написано, – буркнул Глеб.

– А Маляму видели?

– Нет его, вроде... Может, отсыпается под кустом. Поди, до самого утра пьянствовал. Сам же видел, какая бутылка на столе стояла...

– А давайте покричим. Может, и отзовется, – предложил Димка и, набрав в легкие побольше воздуха, прошептал. – Ма-ля-ма-а-а!

Мы расхохотались. Вот чудак, опять решил подтрунивать над нами. А у самого, небось, сердце в пятки ушло б при появлении пастуха! Что-что, а храбриться друг перед другом, да притом еще зная, что находимся в полной безопасности, мы хорошо умеем.

– Я догадываюсь, почему Карасик с пастухами, – сказал Глеб. – Мне сдается, что его приставили к ним родители. Это чтоб по улицам не болтался. Ты, Димка, вспомни: было ли когда, чтоб Карасик по своей охоте делом занимался?

– Но зачем Маляму нужно было поить? – воспротивился товарищ. – Ведь не он берет на работу в кооператив, а председатель. Непонятно.

– Ладно, разберемся, – отрезал Глеб и ступил в лодку. – Целый день он не проходит рядом с овчаркой. На обратном пути врасплох захватим. Узнает, как воровать!

– И как ведра опрокидывать! – добавил я от себя, но не вслух...

Мы отчалили от берега.

Послышалось как бы журчание ручейка. Шум нарастал, превращаясь в гул воды на перекате. Из-за макушек деревьев, мощно вращая винтами, появился окрашенный в зеленый цвет вертолет. Он пролетел над нами, да так низко, что я увидел сидевших в кабине людей.

– Вот бы прокатиться! – вождельно произнес Димка. – Посмотреть бы наши окрестности сверху!..

Глеб проводил вертолет долгим взглядом, посмотрел на меня расстроено и вздохнул.

– Они прекращают у нас работы, – сказал Димка, – так что газопровод до нас не дотянут.

– Как прекращают? – вскинулся Глеб. – Откуда ты взял?

– Вчера слышал... Возле клуба, вечером... Мужики разговаривали...

– И что они говорили?

– Да что... – зачесал затылок Димка. – Особо я в их разговор не вникал... Вроде бы, не выгодно...

– Что не выгодно? Кому?

– Ну, той фирме, чей газ... Опасаются, что большие убытки понесут... Мол, доведут ветку до райцентра, а подключаться к ней будет некому...

– Почему некому? Жителей у нас...

– Жители – не в счет... Не всякий, во-первых, подключит свой дом к ветке – слишком дорого. Во-вторых, промышленных предприятий в районе уже практически нет – разграблены, а отсюда доход газовой компании будет не ахти как велик...

– И что ж теперь?

– Строители-газовики переезжают из нашего района в другой... Там, как я услышал от мужиков, все предприятия работают. А у нас даже хлебозавод приостановился... Надо было раньше газ проводить...

– Так его ж и проводили... Отец рассказывал, трубы завезли, оборудование всякое... Потом все это бесследно исчезло... По чьей-то сверху указке, не иначе... Если б кто-то рядовой позарился, знаете, сколько б шуму было на весь район!.. Вон, Васька Пискун какую-то деталь от машины на развалинах раскопал, домой принес... Так милиция с ним полгода разбиралась... В тюрьму не посадили, но штраф сумасшедший впаяли... До сих пор никак не расплатится...

Я сидел в лодке молча, не вмешиваясь в разговор. Встречаясь с Глебом взглядом, старался мимикой и жестами успокоить его. Жаль, что не стали мы членами настоящей экспедиции. Да ладно! Хорошо, хоть прояснилось, почему изыскатели не дождались вчера на реке Глеба. Видать, решение руководства пришло к ним уже после того, как они обратились к мальчугану за помощью...

– Обидно, но ничего не поделаешь, – только и сказал я под конец разговора.

– Еще бы, – согласился со мной Димка.

Ему, видимо, не суждено будет узнать, почему вдруг Глеба обуяли грустные раздумья...

Странные экскурсанты

Уловом можно было похвалиться лишь перед кошкой. Рыба неохотно клевала и на быстрине под мел-горой, и на ямах возле островка, заросшего репейником и крапивой, и за песчаной косой, где в прошлом году, по рассказам ребят, волки задрали заблудившуюся корову.

– Слышите? – поднес палец к губам Димка. – Трубят вроде возле землянки.

Звуки горна доносились до нас и раньше, но мы не обращали на них особого внимания. Подумаешь... Ну, приехали на экскурсию городские школьники... Ну, толпятся они сейчас на поляне да рассеяно слушают рассказы о флоре и фауне... Нам то что от этого?

– Землянка? Настоящая? – встрепенулся я. – Ты мне, Глеб, о ней не говорил...

– Да разве обо всем напишешь в письме!

– Партизанская?

– Ну, как сказать... – пожал плечами Глеб, перебросив снасть из одного места в другое. – Прежняя не сохранилась бы... Считай, шесть десятков лет прошло после войны... Ею теперь работники лесничества пользуются... То бревна сгнившие заменят, то земли и щебенки подвезут да крышу уплотнят...

– В нашей школе уголок партизанской славы оборудован, – отозвался Димка. – И чего там только нет! И солдатское обмундирование, и оружие, и документы... Даже фотографию настоящей землянки можно посмотреть, именно такой, какой в годы войны была.

По звуку горна можно было понять, что землянка находилась неподалеку от нас.

– А давайте сходим туда, – предложил я. – Рыба все равно не клюет.

– Там отец, наверное, – нахмурился Глеб, – Может быть, ему поручили провести экскурсию.

– Ну и что?

– Под горячую руку попадемся...

– Ругать нас будет? За что?

– За то, что возле землянки играем...

– А что, нельзя?

Димка отвлекся от поплавка:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.